

МОЛОДОЙ ГОРЬКИЙ И МУЗЫКА

Профессор Н. К. ПИКСАНОВ

«Ваши вещи музыкальны».
Чехов—Горькому (1899).

Я уверен: многим покажется эта тема неожиданной и спорной. Горький и музыка... Непривычное сочетание. Мы легко ассоциируем Пушкина и музыку, ведь, на тексты Пушкина написано столько прославленных музыкальных произведений. Ничего необычного нет в сочетании слов: Толстой и музыка,—немедленно вспоминается «Крейцера соната» или —сведения из биографии и мемуаров о Толстом-пianисте, о приездах композиторов и виртуозов в Ясную Поляну.

Но что припоминается, когда мы произносим слова: Горький и музыка? Припоминается мало или вовсе ничего не припоминается.

Между тем, Горький всю жизнь глубоко погружен в музыкальную стихию. Он хорошо знаком с разнообразными формами музыки. Он много писал о музыке. Он, наконец, музыкален в своем литературном стиле.

Музыка окружила Горького еще в раннем детстве. То была особая, старинная, народная музыка, прежде всего—народная песня. Напомним, что в самой семье Горького была высоко одаренная народная певица—его бабушка, Акулина Ивановна Башкирина. Она знала и пела много лирических народных песен. В семидесятые годы прошлого столетия родной город Горького был еще охвачен тесным кольцом народного искусства, в том числе—народной песни, богатой в Нижегородской губернии. Горький, напр., вспоминает, что в Нижнем на двор к Башкириным забрел слепой левец Никитушка, обширному репертуару коего завидовала сама бабушка. Жадно слушал Алеша Пешков я хоровое народное пение. Замечательно, что вскоре уже он и сам управлял маленьким хором. Один из друзей его юности, И. А. Картиковский рассказывал, как проводили они с Горьким и дру-

гими юными приятелями летние вечера в Нижнем, на Эвкалиптовом пруду. «Темнело... Кончаем игру и бабы и спускаемся в овраг. На дне его громадное бревно Мы все усаживаемся на него,

и начинается концерт. Максимыч и здесь являлся нашим учителем и руководителем. Он страстно любил пение и готов был петь бесконечно, забывая все окружающее. Его настроение передавалось и нам. Пели мы не только с увлечением, но и с большим чувством, на какое только мы тогда были способны. Пели исключительно грустные песни. Любимыми песнями Максимыча были следующие: «На том ли поле серебрястом» и «Как поехал наш Александра». Песен этих впоследствии я никогда больше не слышал. Пели мы стройно и, должно быть, недурно, потому что в оврагу собиралась публика, подолгу слушала наше пение и одобряла нас, маленьких певцов».

Еще позднее, с осени 1888 г., когда двадцатилетний Пешков служил сторожем на глухой железнодорожной станции, начальник станции Петровский с приятелями устраивал вечеринки-попойки—«Монашье житье». В автобиографическом рассказе «Сторож» Горький вспоминает: «Петровский снимает меня с дежурства для участия в «Монашье житье», потому что я знаю много хороших песен, неплохо умею «сказывать» их... Пешков, валяй!—орет он. Становилось к стене и «валяю». Нарочито выбирал трогательные и красивые, я «сказываю» песни, стараюсь облагородить красоту слова и чувства, скрывать в них. И подчиняюсь силе их неизбежной тоски, близкой моей душе, враждебно отрицаемой разумом... Не понимало, чего мне надо от этих людей, но иногда думалось, что, если насытить их песнями до полноты души,—тогда они как-то изменятся, обнаружат себя более понятными мне! Вот они, восхищаясь, обнимали, целуют меня, дышко плачет».

В отаренном роде Башкириных разнообразно сказывались музыкальные способности. Как сказано отличной исполнительницей народных песен была бабушка Акулина Ивановна. Ее внук, Сапа Башкирин, был солистом лучшего в городе

букавишниковского хора. А вот его отец, Яков Кашилин, дядя Горького, был даровитым гитаристом. В «Детстве» Горький рассказывает о его выступлениях на семейных вечерах у бабушки.

Музыка культурного общества долго была недоступна воспитанию Алехи Пешкова. Долго он не видел вблизи рояля, виолончели. Когда узнали, с улицы он прислушивался к звукам рояля, текущим из открытой форточки интеллигентской квартиры, ему казалось, что «играли на каких-то особенных гитарах». Слушая тем же способом игру на виолончели, он путался в ак-

Алехсей Максимович Горький с сыном Максимом во время пребывания в Н.-Новгороде в 1901—1904 гг.

компанименте рояля. Но такова была музыкальная чуткость мальчика и вообще его густевшая озабоченность, что восприятия игры на виолончели и рояле были необычайно глубоки. В «Детстве» Горький рассказывает, как, ускользая из церкви от всеобщей и бродя по улицам, он однажды услышал особенную, неизвестную раньше музыку. «Из квадратной форточки окна, вместе с теплым паром, струился на улицу необыкновенный звук, точно кто-то очень сильный и добрый пел, закрыв рот, слов не слышно было, но песня показалась мне удивительно знакомой и понятной, хотя слушать ее мешал струнный звон, надоедливо перебивая течение песни. Ясел на тумбу, сообразив, что это играют на какой-то скрипке, чудесной мощности и невыносимой—потому что слушать ее было почти больно. Иногда она пела с такой силой, что, казалось, весь дом дрожит, и гудят стекла в окне. Капало с крыши, из глаз у меня тоже закапали слезы. Незаметно подошел ночной сторож и столкнул меня с тумбы... Почти каждую субботу я стал бегать к этому дому, но только однажды, весной, снова услышал там виолончель—она играла почти непрерывно до полу-

ночи: когда я воротился домой, меня отколотили».

Несколько позднее, в отрочестве, Пешков часто слушал игру на рояле— в исполнении соседки по дому, красавицы-вдовы «очень знатного человека», которую он назвал Королевой Марго и увлеченчил в яркую воспоминаниях Горький рассказывает. «Мне было приятнее смотреть на мою маму, когда она сидела у рояля, играя одна в комнате. Музыка ослепляла меня, я ничего не видел, кроме окна, и за ним, в желтом свете лампы, стройную фигуру женщины, гордый профиль ее лица и белые руки, птицами летавшие по клавиатуре». Слушал мальчик и отличную игру на скрипке— в квартире той же Королевы Марго. «Реже других к ней приходил высокий, невеселый офицер, с развужленным лбом и глубоко спрятанными глазами: он всегда приносил с собою скрипку и чудесно играл.—так играл, что под окнами останавливались прохожие, на бревнах собирался народ со всей улицы».

Когда юноша Горький из Нижнего переехал в Казань, то в большом университетском городе он смог еще ближе стать к музыке. В Казани была опера, и вот из сообщения самого Горького в печати мы узнаем, что «он там пел в течение одного сезона хористом в оперных спектаклях. «У меня, сообщал Горький одному журналисту, тогда был очень недурной второй тенор. И я, действительно, тогда пел в хоре. Да и вообще в те времена я любил и умел петь». Характерно, что связь с оперным театром отозвалась тем, что юноша попробовал стать музыкантом. В «Моих университетах» Горький рассказывает, что во время тяжелой службы в булочной он «с тоски начал учиться играть на скрипке, пилить по ночам в магазине, смущая ночного сторо-

жа и мышей». «Музыку я любил и стал заниматься ею с великим увлечением», добавляет Горький. Учителем его был скрипач театрального оркестра. Однако, неприятный случай (воровство учителя-скрипача) оборвал учебу.

Юноша Пешков так жадно тянулся к музыке и так томился без нее, что готов был слушать ее в самых необычайных условиях. В автобиографическом рассказе «Музыка» Горький сообщает, как в молодости, будучи арестован и приведен на допрос в кабинет жандармского полковника, он, в перерыве допроса, когда полковник ушел, заслушался мастерской игры пианистки, жены полковника. «Эта пьеса совершенно лишила меня сознания действительности», вспоминает автор.

Близилось время, когда Горький стал писателем. В качестве газетного обозревателя и фельетониста, молодой автор часто касался музыки. Особенно много он писал в «Нижегородском листке» во время всероссийской выставки 1896 года. Вот для примера названия нескольких тогдашних его статей: «О музыке на всероссийской выставке»; «Общедоступные концерты»; «Концерт оркестра хороватских студентов».

Замечательно, что среди этих статей находим один (ныне совершенно безвестный) фельетон, под названием «Оло». Здесь, отвлечшись своей музыкальной фантазии, молодой автор набрасывает план музыкальной картины для оркестра: «Пробуждение леса». Вот отрывки из фельетона. «Пробуждение леса» начали струнные инструменты нежным, мечтательным пианиссимо. Казалось, чуть брезжит рассвет, еще солнце далеко, но уже лес чувствует утро и сонно трепещет навстречу ему. Свистнула пиколо-флейта,—проснулась какая-то птичка. Фагот зашел—как будто филин проснулся, пропавшая с тьмой ночной. Гобой вторил ему, как эхо, альт-горны вступили в эти звуки, и все смелее пела пиколо-флейта. А лес шумел—тимпаны, контробас, виолончели лили в воздух густые, но тихие, красивые звуки... Английский рожок меланхолично зашел тихую мечтательную мелодию, и скрипки, под сурдинку, вторили ему. Скорбно загудел фагот и замер. Звуки скрипок становились

все яснее и красивее... Солнце всходило, первые лучи его уже скользнули по небу, над лесом, и лес все полнее шумел встречу утру... Порыв ветра пронесся по просыпавшемуся лесу. Печально застонали старые деревья, уже равнодушные к солнцу, шумно зашевелила листва, весело защебетали птички. И в саду точно шумнее стало от этой утренней здравницы леса могучему солнцу».

Сопоставьте эту фантазию с темп страницами повести «В людях», где Горький описывает свои скитания в оточестве по соседнему с Нижним лесу. Замечательно это истинно музыкальное восприятие жизни природы: шума леса, полня птиц, какое отразилось и в поздней повести, и в молодом фельетоне.

Не могу больше, по недостатку места, излагать те отклики на музыку, какие можно собрать из сочинений и биографии Горького. Через всю свою жизнь Горький пронес любовь к музыке, все больше и больше обогащая ее познанием. Приведу еще только два факта. В прославленном романе «Мать» (часть вторая, гл. III) Горький описывает исполнение на фортепиано пьесы Грига. А в превосходных воспоминаниях его о В. И. Ленине находим одно знаменательное место: «Как-то вечером, в Москве, на квартире Е. П. Пешковой, Ленин, слушая сонату Бетховена в исполнении Исаи Лобовой, сказал: «Ничего не знаю лучше „Аrasso-pata“, готов слушать ее каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью, может быть наивной, думаю: вот какие чудеса могут делать люди».

В заключение скажу только, что музыкальный по природе, любящий и знающий музыку, Горький музыкант и в своем творчестве. Недаром чуткий Чехов, познакомившись с ранними рассказами Горького, поспешил написать ему: «Ваши вещи музыкальны». Действительно, художественные произведения Горького, начиная с ранних, музыкальны, ритмичны, напевны. В молодости Горький писал много стихов, потом им долго владели «ритмическая проза». У Горького немало совершенных по форме, лирических и патетических стихотворений в прозе. С детства напитанный песнями бабушки, Горький все свое творчество переполнял отголосками народных песен.